

ГОЛОВКО Л. В.
доктор юридических наук
профессор кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора
юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Экспертное заключение
к проекту Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений
в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам
смертной казни»¹

Представляется, что в данном заключении не имеет смысла специально обсуждать вопросы, связанные с оценкой смертной казни как вида уголовного наказания. Каково бы ни было субъективное или, если угодно, эмоциональное отношение к смертной казни, совершенно очевидно, что, с научной точки зрения, отказ от данной формы реакции государства на преступления, в том числе самые опасные, является объективной и необратимой тенденцией, наблюдаемой в общемировом масштабе. Совершенно очевидно также, что значение смертной казни как превентивного фактора, сдерживающего преступность, сильно преувеличено на т. н. «постсоветском пространстве». В этом смысле можно утверждать, что опасения, связанные с возможными негативными последствиями полной отмены смертной казни, имеют здесь не столько рациональный, сколько сугубо психологический характер. Если же оценивать ситуацию исключительно рационально, то становится ясно, что смертная казнь уже не имеет и не может иметь в Казахстане никакого криминологического значения, поскольку в настоящее время она фактически не применяется: как свидетельствуют статистические данные, приведенные в досье на анализируемый законопроект, за последние четыре года смертная казнь назначена в отношении 6 осужденных, причем ни один из этих приговоров не исполнен в связи с введением 17 декабря 2003 г. Президентом РК моратория на исполнения смертной казни.

Та же самая ситуация имеет место, допустим, в Российской Федерации, где смертная казнь не только не приводится в исполнение в течение более десяти лет (с 1997 г.), но и юридически не может с 1999 г. назначаться судами в качестве меры наказания на основании Постановления Конституционного суда РФ от 2 февраля 1999 г.

Таким образом, и в Казахстане, и в России смертная казнь ныне реальным наказанием не является, хотя она формально и упоминается в уголовных законодательствах и даже Конституциях двух государств. Привело ли это к каким-либо серьезным криминологическим последствиям, не говоря уже о некоей «криминологической катастрофе»? Можно ли сказать, что криминогенная ситуация в Казахстане отчетливо делится на периоды «до 17 декабря 2003 г.» и «после 17 декабря 2003 г.», а в России соответственно – «до 2 февраля 1999 г.» и «после 2 февраля 1999 г.», причем периоды «после» значительно менее благоприятны, с точки зрения уровня и структуры преступности, нежели периоды «до»? Ясно, что данные вопросы имеют сугубо риторический характер, поскольку отказ от исполнения и даже

¹ Экспертное заключение подготовлено Центром исследования правовой политики при финансовой поддержке Центра ОБСЕ в Астане. Мнения и взгляды, содержащиеся в заключении, не отражают точку зрения Центра ОБСЕ в Астане.

назначения судами (применительно к России) смертной казни ни к каким сколько-нибудь заметным криминологическим последствиям не привел. Чем же тогда объясняется сопротивление так называемых «сторонников смертной казни» ее полной отмене, все еще наблюдаемое и в Казахстане, и в России? Объясняется оно, на наш взгляд, исключительно причинами психологического и иррационального свойства.

Нельзя не отметить, что казахстанский законодатель прекрасно отдает себе отчет как в необратимости общемировой тенденции, связанной с отказом от смертной казни, так и в невозможности рационально объяснить необходимость ее сохранения в качестве ординарной меры уголовного наказания. Именно поэтому, как отмечается в досье на законопроект, «начиная с 1994 г., придерживаясь общепризнанного международного курса (курсив наш – Л. Г.), государство проводит политику поэтапной отмены смертной казни». Стремление Казахстана постепенно отказаться от смертной казни нашло отражение и в Концепции правовой политики, одобренной Указом Президента РК от 20 сентября 2002 г.

Таким образом, у нас есть все основания оценивать анализируемый законопроект в качестве очередного шага на пути поэтапной отмены смертной казни в Республике Казахстан, о чем прямо говорится в сопровождающем законопроект досье. По этой причине основной целью настоящего экспертного заключения будет анализ содержащихся в законопроекте юридико-технических положений на предмет их соответствия данному программному тезису. Однако, прежде чем приступить к анализу собственно положений законопроекта, необходимо вкратце остановиться на конституционно-правовом регулировании института смертной казни в Республике Казахстан.

Конституционно-правовые основания законопроекта

Помимо совершенствования уголовного законодательства, связанного с реализацией политико-правовой задачи по поэтапной отмене смертной казни, анализируемый законопроект преследует также иную цель: привести УК РК в соответствие с Конституцией РК после внесения в последнюю изменений от 21 мая 2007 г., касающихся смертной казни. Об этом прямо говорится в Пояснительной записке Мажилиса Парламента Республики Казахстан от 22 сентября 2008 г. № 23/3831.

Напомним, что после внесения в Конституцию РК указанных изменений соответствующая конституционная норма ныне гласит, что смертная казнь устанавливается законом как исключительная мера наказания за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, а также за особо тяжкие преступления, совершенные в военное время (п. 2 ст. 15). При этом мы здесь ни в коей мере не собираемся обсуждать текст самой конституционной нормы: для нас это правовая данность, которую необходимо учитывать при оценке рассматриваемого законопроекта.

Основная правовая проблема, которая возникает при анализе п. 2 ст. 15 Конституции РК, сводится к вопросу о том, создает ли данная конституционная норма обязанность законодателя предусматривать смертную казнь за каждое «террористическое преступление», сопряженное с «гибелью людей», и за каждое «особо тяжкое преступление», совершенное «в военное время», или речь лишь идет о пределах возможного законодательного регулирования применения смертной казни, выйти за которые законодатель не вправе, но «внутри» которых он самостоятельно решает, необходима и целесообразна ли смертная казнь как вид уголовного наказания в каждом конкретном случае? В зависимости от ответа на первый вопрос решается тогда и другой вопрос: что следует понимать под «приведением УК РК в соответствие с Конституцией РК» по вопросу о смертной казни? Следует ли под ним понимать механическое перенесение в УК текста конституционной нормы или законодателю необходимо лишь отменить смертную казнь за все преступления, не являющиеся «террористическими» и не «сопряженные с гибелью людей», а также не «совершаемые в военное время», то есть необходимо отменить

смертную казнь во всех случаях, выходящих за пределы, жестко очерченные п. 2 ст. 15 Конституции РК.

Для нас не вызывает сомнений, что п. 2 ст. 15 Конституции РК не обязывает и не может обязывать законодателя сохранять в УК РК какие бы то ни было положения о смертной казни, в том числе и в тех случаях, которые названы в соответствующей конституционной норме.

Во-первых, установление того или иного уголовного наказания не является целью конституционного регулирования. Установление наказаний – задача уголовного законодательства. Цель конституционного регулирования в другом – очертить для законодателя рамки, выход за которые противоречит фундаментальным конституционно-правовым принципам. Конституция, будучи основным законом, не может превращаться в закон уголовный, вводя какие бы то ни было уголовные запреты или наказания. Не может она превращаться и в уголовно-политический документ. Иное понимание Конституции, которое мы позволим себе назвать «вульгарным», способно привести только к снижению роли и Конституции как основного закона государства, и конституционно-правового регулирования в целом.

Во-вторых, толкование п. 2 ст. 15 Конституции РК как «обязывающей» законодателя нормы невозможно и по сугубо техническим причинам. Правовые категории, указанные в данной конституционной норме, слишком неопределенны с уголовно-правовой точки зрения, чтобы их можно было механически перенести в уголовный закон в качестве «исполнения обязанности». Что означает понятие «террористического преступления»? Что означает категория «гибель людей» (например, с точки зрения форм вины – умышленное лишение жизни, гибель по неосторожности и т. д.)? Что означает понятие «военного времени (официальное объявление войны иностранным государством; межгосударственный военный конфликт; иной вооруженный конфликт, например, на этнической почве)? Как можно в такой ситуации говорить об «обязанности», если сама «обязанность» требует толкования со стороны законодателя? Получается, что не Конституция якобы налагает обязанность, а сам законодатель определяет, что считать для себя обязанностью. Думается, что конституционный законодатель намеренно уходил при редактировании п. 2 ст. 15 Конституции РК от точных уголовно-правовых формулировок, чтобы, с одной стороны, не превращать Конституцию в Уголовный кодекс, а, с другой стороны, не породить у законодателя иллюзию «обязанности».

В-третьих, слово «устанавливается», используемое в п. 2 ст. 15 Конституции РК и способное породить превратное толкование ее смысла, не было введено Законом от 21 мая 2007 г. Оно, образно говоря, досталось в наследство от прежней редакции п. 2 ст. 15 Конституции РК, где говорилось, что «смертная казнь устанавливается (курсив наш – Л. Г.) законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления». Однако, из этого никто не делал вывод, что смертная казнь должна быть установлена за все особо тяжкие преступления, предусмотренные УК РК (она и не была за них установлена). Более того, Конституционный совет РК в своем Постановлении № 10 от 30 января 2003 г. четко разъяснил, что законодатель не обязан устанавливать смертную казнь за все особо тяжкие преступления – он обязан лишь не устанавливать ее за иные категории преступлений. Что же изменилось со внесением изменений в п. 2 ст. 15 Конституции РК? Почему слово «устанавливается» должно приобрести после этих изменений иную правовую нагрузку, особенно, если учесть, что изменения в Конституцию были обусловлены стремлением Республики Казахстан ограничить применение смертной казни, а не расширить его? Думается, что на данные вопросы невозможно дать юридически выверенный ответ. Учитывая изложенное, ясно, что п. 2 ст. 15 Конституции РК должен толковаться лишь в смысле максимально возможных пределов применения законодателем смертной казни при отсутствии у него обязанности устанавливать смертную казнь даже за террористические преступления, повлекшие гибель людей, и особо тяжкие преступления, совершенные в военное время. Обязанность законодателя в другом – не устанавливать смертную казнь во

всех остальных случаях. Именно из такого понимания смысла п. 2 ст. 15 Конституции РК мы и будем исходить при оценке положений анализируемого законопроекта.

При этом нам представляется, что составители законопроекта не совсем точно определили для себя смысл и пределы конституционного регулирования. В какой-то мере возникает впечатление (быть может, ошибочное), что они испытывали в данном вопросе определенную неуверенность. В результате, они, с одной стороны, не стали корректировать текст особенной части УК РК, совершенно справедливо посчитав, что Конституция не предполагает расширения применения смертной казни путем, к примеру, введения квалифицирующего признака «в случае совершения в военное время» ко всем особо тяжким преступлениям и добавления в этих случаях в санкции соответствующих статей смертной казни. Но, с другой стороны, они просто-напросто полностью, причем механически, перенесли в общую часть УК (ст. 49) конституционную формулировку, не учитывая при этом, что, как мы уже отмечали, данная формулировка не содержит собственно уголовно-правовой терминологии. В результате, возникла разбалансированность общей и особенной частей УК, которая в любом случае не позволяет говорить о достижении провозглашенных в досье к законопроекту целей.

В предлагаемой законопроектом редакции ст. 49 УК РК повторяется конституционный тезис о том, что «смертная казнь как исключительная мера наказания устанавливается только за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, а также за особо тяжкие преступления, совершенные в военное время...».

Поскольку законопроект, вслед за Конституцией, предполагает сохранение смертной казни в двух случаях, причем случаи эти различны по юридической природе, целесообразно рассмотреть их отдельно друг от друга.

Положения, касающиеся применения смертной казни за особо тяжкие преступления, совершенные в военное время

Представляется, что в вопросе о возможности применения смертной казни в военное время в законопроекте имеется явная непоследовательность.

С одной стороны, составители законопроекта предполагают отмену смертной казни за воинские преступления, совершенные в военное время (ст. 367, 368, 369, 373, 374, 375, 380 УК РК). Этот шаг, разумеется, следует приветствовать. Он свидетельствует не о том, что изменилась общественная опасность данного рода деяний сама по себе, а том, что составители законопроекта, думается, прекрасно понимают, что подобного рода уголовно-правовой запрет не имеет в настоящее время никакого практического смысла. Но, с другой стороны, авторы законопроекта, противореча сами себе, вводят в Общую часть УК РК норму об «установлении» смертной казни за совершение в военное время особо тяжких преступлений. И вот здесь возникает вопрос – зачем?

Если предположить, что составители законопроекта исходят из того, что Республике Казахстан необходимо «на всякий случай» иметь заранее разработанное и принятое законодательной властью эффективное уголовное законодательство, которое не действует в мирное время, но автоматически вступает в силу при наступлении военного времени, то данная гипотеза полностью опровергается отмеченным выше стремлением отменить смертную казнь за совершенные в военное время воинские преступления. О каком эффективном военно-уголовном законодательстве может тогда идти речь?

Если предположить, что составители законопроекта исходят из того, что Республика Казахстан при наступлении военного времени в любом случае будет нуждаться в специальном военно-уголовном законодательстве, где, в частности, будет решаться вопрос о применении смертной казни за совершение наиболее опасных в условиях военного

времени воинских преступлений, то зачем тогда вообще включать в уголовный закон отрывочные упоминания о смертной казни «в военное время»? Какой в этом практический и теоретический смысл?

Полагаем, что воспроизведение в ст. 49 УК РК конституционного положения о возможности установления в военное время смертной казни за совершение особо тяжких преступлений представляет собой классический пример избыточного правового регулирования, которое, как известно, не только бесполезно, но и опасно. Вопрос даже не в том, что «военного времени» в Казахстане нет, и с учетом миролюбивой внешней политики государства оно вряд ли когда-либо наступит. Вопрос в другом: даже если исходить из худшего, то при наступлении военного времени в любом случае требуется разработка специального или даже чрезвычайного военно-уголовного законодательства, причем разрабатывать его придется не в «кабинетных условиях», а в условиях «полевых», то есть с учетом реальной ситуации, в том числе на театре военных действий. Предсказать в такой ситуации общественную опасность того или иного деяния, необходимость санкционирования его смертной казнью и т. д. сейчас просто-напросто невозможно. Между тем отрывочные ссылки на «военное время» в уголовном законодательстве мирного времени не только не ускорят разработку специального военно-уголовного законодательства, а лишь замедлят ее, поскольку неизбежно придется снимать противоречия между реальными и «кабинетными» военно-уголовными нормами, не говоря уже о возможных пробелах, коллизиях и т. п. И вот здесь возникает главный вопрос: если упоминание в тексте действующего в мирное время УК смертной казни за совершение особо тяжких преступлений в военное время не имеет никаких положительных последствий, то в чем рациональный смысл такого правового регулирования? Зачем вводить норму, которая заведомо неэффективна и способна лишь вызвать негативные комментарии на международной арене? Ссылка на конституционное регулирование в любом случае не является убедительной, поскольку Конституция государства продолжает действовать и в условиях войны, тогда как уголовное законодательство приобретает специальный характер (таков печальный опыт фактически всех стран, оказавшихся в условиях военного времени, включая опыт советский).

Представляется, что много рациональнее либо вовсе отказаться от упоминания о смертной казни в военное время в действующем УК РК (оптимальный вариант), либо сделать отсылочную норму к специальному закону (компромиссный вариант), которая могла бы выглядеть примерно следующим образом в качестве самостоятельного пункта ст. 49 УК РК: «Смертная казнь может быть также установлена в военное время за совершение особо тяжких преступлений специальным законом Республики Казахстан о введении военного положения».

Положения, касающиеся применения смертной казни за террористические преступления. Имплементация законопроектом в уголовное законодательство конституционной нормы о возможности применения смертной казни за «террористические преступления, сопряженные с гибелью людей», представляет собой много более сложную проблему. Здесь составители законопроекта не только воспроизвели в предлагаемой редакции ст. 49 УК РК конституционную формулировку (как в случае с «военным временем»), но и попытались ее раскрыть, сконструировав п. 2 примечания к ст. 233 УК РК, где дается перечень так называемых «террористических преступлений». На наш взгляд, именно п. 2 примечания к ст. 233 УК РК является ключевым положением анализируемого законопроекта. В чем здесь видится серьезная опасность? Целью конституционной реформы п. 2 ст. 15 Конституции РК было, как известно, ограничение применения смертной казни, что отразило политическую волю, направленную на поэтапную отмену данной меры уголовного наказания. Однако, законопроект создает ситуацию, при которой конституционные ограничения легко будет преодолеть на сугубо законодательном уровне. Иначе говоря, с помощью предлагаемой законодательной конструкции можно будет просто-напросто «обойти» соответствующие конституционные положения о смертной казни. Для этого достаточно всего-навсего расширить понятие «террористических преступлений». В принципе, при таком подходе (через чрезмерно широкое понимание в уголовном законе категории

«террористические преступления») можно не только не ограничивать реальное применение смертной казни, но, напротив, расширять ее применение, объявляя при этом о «поэтапной отмене» данной меры наказания. Вряд ли такие цели были заложены при проведении конституционной реформы от 21 мая 2007 г.

Являются ли наши опасения сугубо гипотетическими? К сожалению, ознакомление с текстом законопроекта вынуждает нас констатировать обратное. При этом мы совершенно не утверждаем, что его составители намеренно стремились «обойти» соответствующие конституционные положения и в «скрытой форме» расширить применение смертной казни. Мы настаиваем лишь на техническом несовершенстве законопроекта, которые способны привести к непредвиденным правовым последствиям, никак не вписывающимся в политико-правовое движение по поэтапной отмене смертной казни в Республике Казахстан. Во-первых, перечень «террористических преступлений», сконструированный составителями законопроекта в предлагаемой редакции п. 2 примечания к ст. 233 УК РК и насчитывающий 11 составов преступлений, сам по себе для нас необъясним. Скажем, какое отношение к «террористическим преступлениям» имеет наемничество, предусмотренное ст. 162 УК РК? В общественной опасности данного деяния никто не сомневается, но совершается оно не в террористических целях, а сугубо по корыстным мотивам (это видно даже по этимологическим корням термина «наемничество», поскольку речь идет о «найме»)? Впрочем, мы бы категорически не хотели вступать в дискуссию о том, является ли тот или иной состав «террористическим» или не является. Дело не в отдельных составах преступлений. Проблема здесь в том, что любой вариант перечня «террористических преступлений» а priori субъективен. Достаточно хотя бы бегло ознакомиться с постсоветской уголовно-правовой литературой, чтобы понять, что различные специалисты понимают под «террористическими преступлениями» неодинаковый набор составов преступлений. Строго говоря, для такого вывода не требуются даже какие бы то ни было научные исследования. Можно ограничиться лишь прочтением сопровождающего законопроект досье, где содержатся экспертные заключения на законопроект: некоторые эксперты предлагают убрать те или иные составы из предложенного перечня, а некоторые, напротив, настаивают на том, что отдельные «террористические составы» оказались обойдены вниманием составителей законопроекта. Да и сам законопроект по мере своего прохождения уже успел подвергнуться изменениям с точки зрения перечня «террористических преступлений», который оказывался то шире, то уже.

В целом, ясно, что для выделения в отдельный перечень «террористических преступлений» нет и не может быть никаких объективных критериев. Ясно и то, что законодательная формализация подобного перечня также его окончательно не объективизирует, поскольку можно ожидать в последующем постоянное внесение в п. 2 примечания к ст. 233 УК РК изменений и дополнений, причем выглядеть такие изменения и дополнения нередко будут как сугубо технические, хотя на деле они неизбежно затрагивают интерпретацию соответствующих конституционных положений о пределах применения смертной казни. В такой ситуации законодатель получит с помощью «перечня террористических преступлений» возможность незаметно и без широкого обсуждения корректировать норму более высокого (конституционного) уровня.

Во-вторых, остается совершенно непонятным как ст. 49 УК в качестве нормы общей части уголовного закона будет соотноситься с положениями его особенной части, предусматривающими наказания за конкретные составы преступлений. Проиллюстрируем суть проблемы на конкретном примере. Если взять, скажем, ст. 234 УК РК (захват заложника), то здесь содержится такой квалифицированный состав преступления как «захват заложника, повлекший по неосторожности смерть человека». С одной стороны, в качестве наказания за данное преступление смертная казнь не предусмотрена и предусмотрена не будет (максимальное наказание – 15 лет лишения свободы). С другой стороны, ст. 234 включена в перечень «террористических преступлений», предусмотренный п. 2 примечания к ст. 233 УК РК. Кроме того, в данном случае речь идет о преступлении, «повлекшем гибель людей», пусть и по неосторожности. Иными словами, оба условия,

названные в ст. 49 УК РК, здесь имеют место. Означает ли это, что в данном случае суды получают право назначать в качестве меры наказания смертную казнь со ссылкой на ст. 49 УК РК, то есть норма общей части о наказании подлежит здесь непосредственному применению независимо от наличия или отсутствия указания на смертную казнь в санкции соответствующей статьи особенной части УК? Вот здесь-то и возникает ключевой (если не сказать – фундаментальный) вопрос, на который в законопроекте ответа нет. Обратим также внимание, что в перечне «террористических преступлений» имеется целый ряд составов преступлений, предусматривающих особую ответственность за неосторожное причинение «смерти человека», что подразумевает смерть одного или более лиц (см. ст. 163, 234, 238, 239 УК РК).

При отрицательном ответе на поставленный вопрос, который представляется нам единственно правильным, неизбежно возникает другой вопрос: какую юридическую нагрузку имеют тогда ст. 49 и п. 2 примечания к ст. 233 УК РК в предлагаемой редакции? В чем тогда смысл соответствующих законодательных положений, если они в любом случае не подлежат самостоятельному применению (судье можно не обращать внимания ни на «перечень», ни на ст. 49 УК – ему достаточно только заглянуть в санкцию соответствующей статьи особенной части УК). При полном отсутствии практического смысла такого правового регулирования оно создает правовую неопределенность, поскольку поставленный здесь вопрос вполне может возникнуть и в правоприменительной практике. При этом правовая неопределенность коснется такого важнейшего вопроса как применение смертной казни, что тем более недопустимо. В более общем смысле непонятно, зачем законодателю намеренно закладывать в закон коллизии, противоречия, правовую неопределенность, несоответствие общей и особенной частей УК и т. д., ссылаясь при этом на «совершенствование уголовного законодательства» и его «приведение в соответствие с Конституцией»?

При положительном ответе на поставленный вопрос практический смысл предлагаемой редакции ст. 49 и п. 2 примечания к ст. 233 УК РК появляется, но недоумение от этого только возрастает. В такой ситуации предлагаемые изменения в УК РК не имеют никакого отношения к «поэтапной отмене» смертной казни, о чем следует сказать открыто. Закон, отменяя смертную казнь за некоторые составы преступлений, одновременно вводит ее за другие составы преступлений, где она предусмотрена не была (ст. 163, 234, 238, 239). Причем закон опять-таки создает условия для «завуалированного» расширения смертной казни, когда законодатель прямо и открыто не упоминает о смертной казни в санкции соответствующей статьи особенной части УК, а действует через п. 2 примечания к ст. 233 УК РК, одновременно, например, оговаривая «неосторожное причинение смерти» или нечто подобное в описании самого состава преступления. Парадокс при таком понимании предлагаемого текста закона заключается также в том, что смертная казнь отменяется за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (единственное преступление, за которое она реально назначается в настоящее время в Казахстане), но вводится за неосторожное причинение смерти, то есть деяние много менее общественно опасное. В целом, предлагаемое регулирование применения смертной казни за «террористические преступления, сопряженные с гибелью людей», страдает техническим несовершенством и недопустимой для уголовного закона степенью правовой неопределенности.

Если казахстанский законодатель не считает в настоящее время возможной полную отмену смертной казни, придерживаясь доктрины ее «поэтапной отмены», то такая «поэтапная отмена» должна быть реальной, а не мнимой, для чего требуется достаточно тщательная доработка и переработка анализируемого законопроекта. На наш взгляд, необходимо, прежде всего, отказаться от п. 2 примечания к ст. 233 УК РК или какой-либо иной попытки формализации перечня «террористических преступлений», поскольку подобная попытка в любом случае обречена, с теоретической точки зрения, на неудачу, а, с практической точки зрения, способна привести к непредвиденным последствиям. Кроме того, в ст. 49 УК РК необходимо указание на то, что речь идет только о тех террористических преступлениях, которые привели к умышленному лишению жизни двух или более лиц, с обязательной

оговоркой в ст. 49 УК РК, что смертная казнь может применяться за такого рода террористические преступления только в «случаях, специально предусмотренных санкциями соответствующих статей Особенной части настоящего кодекса». В конечном итоге, не вызывает сомнений, что с учетом всех заложенных в п. 2 ст. 15 Конституции критериев смертная казнь может быть сохранена только в санкции ст. 233 УК РК. При понимании данного обстоятельства перечень остальных «террористических преступлений» становится бессмысленным и излишним.

Ноябрь 2008 г.